

Малышева Диана Алексеевна

аспирант

Челябинский государственный
институт культуры (Челябинск, Россия)

E-mail: diana-m@mail.ru

ОЛИМПИЙСКИЕ ЦЕРЕМОНИИ В ЗЕРКАЛЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРАЗДНИЧНОСТИ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОБЫТИЯ

Статья посвящена культурологическому анализу феномена государственной праздничности как особого типа публичной событийной практики, направленной на презентацию имиджа государства как внутренней, так и внешней аудитории. Автор предлагает разграничить понятия «государственный праздник» (календарно-ритуальная фиксация даты) и «государственная праздничность» (динамический процесс презентации, разворачивающийся в лиминальных условиях). Ключевой теоретической рамкой исследования выступает категория лиминальности (А. ван Геннеп, В. Тернер), которая применяется к трем уровням: самому событию, государству как субъекту презентации и зрителю. Наиболее ярким воплощением государственной праздничности признаются церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр, которые рассматриваются как инструмент «мягкой силы» и площадка для трансляции национальных мифов. На основе анализа церемоний разных лет (от Афин 2004 года до Парижа 2024 года) выделены устойчивые линии презентации: апелляция к национальному мифу и культурному вкладу в мировую историю; связь с актуальными ценностными ориентирами и современными культурными реалиями; демонстрация технологической мощи; семиотическая насыщенность и аффективное воздействие. Автор приходит к выводу, что олимпийские церемонии превратились в уникальную форму коммуникации, где в лиминальном пространстве стадиона власть, искусство, технологии и массовые эмоции сплавляются в единое действо, адресованное одновременно гражданам и мировому сообществу, что делает праздничность эффективным механизмом символической политики.

Ключевые слова: государственная праздничность, олимпийские церемонии, лиминальность, мягкая сила, символическая политика, национальный миф, культурная память, ритуал, спортивное событие

Для цитирования: Малышева, Д. А. Олимпийские церемонии в зеркале государственной праздничности: культурологический анализ события / Д. А. Малышева // Вестник культуры и искусств. — 2026. — № 3 (87). — С. 86–93.

Malysheva Diana A.

Post-graduate student

Chelyabinsk State Institute
of Culture and Arts (Chelyabinsk, Russia)

E-mail: diana-m@mail.ru

Olympic Ceremonies Through the Lens of State Festivity: a Cultural Analysis of the Event

This article presents a cultural analysis of the phenomenon of “state festivity” — a specific type of public event practice aimed at projecting the state’s image to both domestic and international audiences. The author distinguishes between the concepts of a “state holiday” (the calendrical-ritual

marking of a specific date) and “state festivity” (a dynamic presentation process unfolding within liminal conditions). The study’s theoretical framework centers on the category of liminality (A. van Gennep, V. Turner), applied across three levels: the event itself, the state as the presenting agent, and the spectator. The opening and closing ceremonies of the Olympic Games are identified as the most striking embodiments of state festivity; they are viewed as instruments of “soft power” and platforms for broadcasting national myths. An analysis of ceremonies spanning several years (from Athens 2004 to Paris 2024) reveals consistent themes of presentation: appeals to national myth and cultural contributions to world history; connections to current values and contemporary cultural realities; demonstrations of technological prowess; and high levels of semiotic richness and affective impact. The author concludes that Olympic ceremonies have evolved into a unique form of communication in which — within the liminal space of the stadium — authority, art, technology, and mass emotion fuse into a unified spectacle addressed simultaneously to citizens and the global community, thereby establishing state festivity as an effective mechanism of symbolic politics.

Keywords: state festivity, Olympic ceremonies, liminality, soft power, symbolic politics, national myth, cultural memory, ritual, sporting event

For citing: Malysheva D. A. 2026. Olympic Ceremonies Through the Lens of State Festivity: a Cultural Analysis of the Event. *Vestnik kul'tury i iskusstv [Culture and Arts Herald]*. No 3 (87): 86–93. (In Russ.).

Государственный праздник представляет собой один из ключевых инструментов конструирования социальной солидарности и формирования национальной идентичности в духовно-символическом пространстве культуры. В современном обществе его функция не сводится к простой директивной трансляции идеологических и ценностных установок сверху вниз. Все чаще он становится поводом и площадкой для диалога между различными социальными агентами: властью, медиа, общественными институтами, профильными сообществами и в целом — жителями нашей Родины. В исследованиях государственного праздника как самостоятельного предмета изучения [8; 10; 15] смысловой акцент, как правило, делается на его внутренних функциях: консолидации общества, трансляции единых ценностей, укреплении национальной идентичности и связи с прошлым. Праздник предстает как своеобразный «мемориальный парад» в структуре мемориальной идентичности [6] и актуальном пространстве культуры — ритуализированное действие, объединяющее граждан вокруг общих символов, сакрализирующее исторические даты и формирующее чувство причастности к судьбе страны. Культурологический взгляд, восходящий к работам Э. Дюркгейма о коллективных религиозных представлениях [3] и М. Элиаде [14] о сакральном времени, подчеркивает, что праздник учреждает «иное» время — время мифического первоначала, которое регулярно актуализируется для поддержания внутренней целостности и сплоченности сообществ. Однако в современном мире функциональный спектр государственного праздника расширяется за счет обращенности «вовне» — к международной аудитории. Символический ресурс гражданской идентичности, как справедливо подчеркивают исследователи [1, с. 246], носит двойственный характер, выраженный во взаимодействии публичной и индивидуальной сфер функционирования.

Для интерпретации этой публичной составляющей мы предлагаем ввести категорию государственной праздничности, понимая под ней особый тип манифестации государства через праздничные мероприятия, адресованные не только собственным гражданам, но и мировому сообществу. Оговоримся сразу, что концепт «праздничность» использовался рядом исследователей, но в большей мере как внешняя эмблематичная характеристика, нередко противопоставленная подлинной сути праздника. Приведем в качестве примера название работы В. В. Кибалко — «Праздник и праздничность: деградация смыслов» [7] или оценку Т. Чередниченко: «Праздник — дело сакральное, мифопоэтическое. Праздничность — это дело рыночное. Она аранжирует все всучаемое — от блокбастера до стирального порошка» [12].

Государственная праздничность определяется нами как особый тип публичной событийной практики, в рамках которой государство посредством официальных праздничных событий осуществляет презентацию собственного образа как внутренней (собственным гражданам), так и внешней (международному сообществу) аудитории.

Ключевой теоретической рамкой для понимания государственной праздничности мы определяем категорию лиминальности (от лат. *limen* — порог), введенную в культурной антропологии Арнольдом ван Геннепом [2] и развитую Виктором Тернером [11]. Согласно этой концепции, любое значимое социальное событие разворачивается в трех фазах: отделение (*separatio*) от обыденного состояния, лиминальная (*limen*) — переходная, пограничная стадия, и агрегация (*aggregatio*) — возвращение в общество с новым статусом. В случае государственной праздничности лиминальность проявляется на нескольких уровнях:

- лиминальность самого события: государственный праздник или церемония выводят

страну из привычного ритма повседневности: приостанавливается рутинная работа, городские пространства превращаются в сценические площадки;

- **лиминальность государства как субъекта презентации:** в моменты проведения масштабной церемонии государство находится в пограничном состоянии: оно одновременно отчитывается о пройденном пути и заявляет о векторе дальнейшего развития. Старое состояние («страна до события») уже завершено, новое еще не вполне состоялось — это «пороговое» пространство, где конструируется желаемый образ государства;
- **лиминальность зрителя/гражданина:** аудитория праздничного события также погружается в пограничное состояние: она становится не просто наблюдателем, но соучастником транслируемого ритуала.

Наиболее близок такому пониманию государственной праздничности подход Н. Д. Мостицкой, рассматривающей бинарную оппозицию «праздничность — повседневность» с точки зрения методологии синергетики: праздничная коммуникация как управляемая точка бифуркации [9].

Государственный праздник и государственная праздничность, будучи тесно связанными феноменами, обнаруживают ряд различий, позволяющих рассматривать их как явления разного порядка. Если государственный праздник — это преимущественно календарно-ритуальная фиксация значимой даты, то государственная праздничность — это динамический процесс презентации государственного имиджа, разворачивающийся в лиминальных условиях и использующий современные технологии коммуникации для трансляции на мировую арену. Государственный праздник — это всегда институционально закреплённая дата, государственная праздничность же — актуальное событийное действие, которое может происходить в разное время и в разных форматах, но всегда имеет ярко выраженный презентационный характер. Кроме того, государственный праздник работает прежде всего «вовнутрь», а государственная праздничность — «вовне» и «вовнутрь» одновременно, причем внешняя аудитория зачастую является приоритетной с точки зрения постановочных решений. Можно сказать, что государственный праздник — это устойчивый ритуал с элементами зрелища, в то время как государственная праздничность — зрелище, принявшее форму ритуала.

Таким образом, государственная праздничность определяется нами как институциональный ритуально-зрелищный комплекс, актуализируемый государством в лиминальные периоды социального времени, который посредством праздничных форм (церемоний, торжественных актов) осуществляет

презентацию государственного имиджа, конструирует и транслирует национальный миф и обеспечивает символическую коммуникацию между властью, обществом и международным сообществом.

В подобных событиях государство всегда презентует свои культурные достижения, исторический нарратив и ценностные ориентиры, используя язык современной режиссуры, технологий и эмоционального воздействия. По сути, речь идет об одном из механизмов «мягкой силы» (Джозеф Най) — способности влиять на международное восприятие через привлекательность праздничного события. С культурологической точки зрения, это превращает государственную праздничность в инструмент символической политики, где нация транслирует свой образ на международной арене.

Наиболее ярким и документированным воплощением государственной праздничности видятся нам церемонии открытия и закрытия Олимпийских игр. Не используя в буквальном прочтении концепт «государственной праздничности», ряд исследователей указывают на соответствующий смысловой аспект функционирования Олимпийских игр. Так, например, А. А. Шишкина обосновывает потенциал Олимпиады как ресурса «мягкой силы» через следующие признаки:

- постоянство нахождения в повестке глобального информационного пространства;
- охват максимально широкой аудитории (география), масштаб освещения, превосходящий все иные события;
- универсальный характер интереса (вне моды, равная привлекательность для любых слоев населения);
- провозглашение успешности государств в момент чествования победителей [14, с. 286]. Добавим сюда еще и особый эмоциональный подъем, патриотизм, идентификационную связь между личными переживаниями и государственным престижем.

Олимпиада всегда играла более чем просто спортивную роль. Этот сверх-спортивный ресурс исследовался И. В. Зеленовой и М. С. Тереховым на примере Олимпиады-2014: «С самого начала Олимпийские игры в Сочи рассматривались в России как один из самых грандиозных проектов, который был призван сформировать положительный образ страны на международной арене после распада СССР. В подобной ситуации особенно значимой оказалась резкая актуализация в зарубежных медиа определенного спектра сюжетов на финальных стадиях подготовки игр: права человека, персональный имидж В. В. Путина, вопросы терроризма и безопасности. Причем, стоит отметить, что данные темы обсуждались и на уровне первых лиц государства, а не только среди многочисленной аудитории сети Интернет» [4, с. 101].

На рубежном (или в нашем видении — лиминальном) характере Олимпиад как «публично явленного успеха» государств акцентировали внимание Т. С. Злотникова и В. А. Шапошников: «Олимпиада воплощает... соотношение между праздником и работой, между своими и чужими, между равенством и иерархичностью, между соревнованием и развлечением, между игрой и времяпрепровождением, наконец, между надеждами и разочарованиями» [5, с. 269].

История олимпийских церемоний демонстрирует постепенное усложнение культурных кодов. Первые возрожденные Игры 1896 года в Афинах ограничивались спортивными ритуалами: парад сборных, олимпийский гимн, поднятие флага. Театрализация пришла позже, но именно она открыла возможность для содержательного наполнения этого события.

С момента, когда в 1960 году в Скво-Вэлли Уолт Дисней буквально превратил спортивный ритуал в масштабное театрализованное шоу (транспортировка факела ил Олимпии в Лос-Анджелес, выступление 2645 певцов, 1285 музыкантов, выпуск 2000 голубей, фейерверк) олимпийские церемонии стали главной площадкой для саморепрезентации стран, их принимающих. Именно здесь государство (через режиссуру, сценографию, музыку и технологии) выстраивает свой образ для миллиардной телеаудитории. С этого момента олимпийский праздник перестал быть ориентированным только на спортивный протокол и превратился в медийное шоу, масштабное событие — форму, которая требует все более изощренных режиссерских и технологических решений.

С 1980-х годов начинается эпоха участия профессиональных режиссеров-постановщиков. В Лос-Анджелесе 1984 года церемонию ставил Томми Уокер — начальник департамента развлечений Диснейленда, продюсировавший первого Супермена. Его подход задал стандарт на зрелищность, технологичность и безупречность визуального образа. В Пекине 2008 года режиссером выступил кинематографист Чжан Имоу, чьи фильмы («Герой», «Дом летающих кинжалов») уже были образцами эстетизированной национальной мифологии. В Лондоне 2012 года — Дэнни Бойл (фильмы «На игле», «Пляж», «Миллионер из трущоб»), чья эстетика соединяет низовую культуру, социальную критику и ироничный пафос. Выбор постановщика — это уже заявка на то, на каком языке будет говорить государство: эпическом, интеллектуальном, провокационном. В целом, режиссура подобных церемоний не обязательно рассчитана исключительно на «развлекательность»; основная задача здесь — формирование особой атмосферы причастности к истории.

Оговоримся сразу, что четкая регламентация и режиссерская выверенность праздничного действия

не всегда гарантировала безупречный итоговый результат. Так, например, в Сеуле (1988 год) после традиционного запуска голубей зажгли олимпийскую чашу. Голуби, не успевшие улететь, сгорели в огне. Это событие (трансляция которого осуществлялась на весь мир), вызвало эмоциональный шок зрителей и привело к запрету на использование живых голубей в церемониях. Также, например, во время церемонии открытия зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 года одна из снежинок (визуальный образ олимпийских колец) не раскрылась, из-за чего вместо пяти олимпийских колец зажглись четыре и одна нераскрывшаяся звезда.

Обратимся в данной статье к анализу различных церемоний открытия и закрытия Олимпийских игр,¹ позволяющему нам выделить несколько устойчивых линий, через которые государства презентуют себя в контексте государственной праздничности:

1. Национальный миф как аутентичность и вклад государства в мировую культуру. Практически каждая страна-хозяйка стремится продемонстрировать свою историческую уникальность, используя церемонию как акт коммеморации (культурная память, которая формирует идентичность) и предлагает сжатый миф о нации: ее истоках, страданиях, достижениях и предназначении. Например, в 1964 году в Токио Юдзи Косэки, композитор фильма «Колокол Нагасаки», написал музыку, пропитанную траурной памятью, и сама церемония была сдержанной (Япония тогда находилась в стадии послевоенного восстановления). Символично, что факел нес студент Есинори Сакаи, родившийся в день атомной бомбардировки Хиросимы: тело носителя огня, таким образом, становилось живым знаком травмы и возрождения. В Сиднее 2000 года центральной темой была представлена культура аборигенов, которая долгое время оставалась на периферии официального нарратива. Режиссер Рик Берч выстроил церемонию вокруг образа «Игр но-

¹ При обращении к церемониям открытия и закрытия Олимпийских игр, а также в дальнейшем — к инаугурациям президентов в качестве эмпирического материала, автор сознательно отказывался от хронологического принципа изложения. Задача данной статьи не заключается в прослеживании исторической эволюции событий и их точной последовательной фиксации. Приведенные примеры выполняют исключительно иллюстративную функцию (для наглядной демонстрации и обоснования выделенных характерных черт государственной праздничности), позволяли увидеть, как теоретические конструкты (лиминальность, двойная адресация, сценарная режиссура, сакрализация и др.) находят свое предметное воплощение. Выбор конкретных кейсов обусловлен их репрезентативностью для той или иной выделенной характеристики, а не стремлением к энциклопедической полноте или исторической хронологии.

вого тысячелетия». Кульминацией стало зажжение огня чемпионкой мира по бегу Кэти Фримен — спортсменкой из числа аборигенов.

В Афинах 2004 года, опираясь на античное наследие, выступление певицы Бьорк в платье, покрывавшемся проекцией, соединяло древние образы с новейшими технологиями. Певица исполняла песню «Океания» — гимн океану как прародине жизни, что отсылало к греческой стихии моря.

Пекин 2008 года избрал эпический масштаб: 50 минут шоу, 5000 лет китайской истории, 15 тысяч участников. Четыре великих изобретения: порох, бумага, печать, компас — были представлены не просто как факты, а как фундамент мировой цивилизации. Кроме того, 2008 барабанщиков, открывавших церемонию, задали ритм, который транслировал идею дисциплины, мощи и организованности.

Лондон 2012: «Остров чудес» Дэни Бойла включал и британские деревушки, и индустриальную революцию, и Королеву с Джеймсом Бондом, и Национальную службу здравоохранения, и литературу, и поп-музыку, и комедийные элементы (знаменитый ролик с мистером Бином).

В Сочи 2014 года эмоциональным стержнем стал образ маленькой девочки, которая видит сны о России в разные исторические периоды. Олимпийский Мишка, плакавший на церемонии закрытия в 1980 году, стал не просто маскотом, а «ожившим» символом преемственности. Здесь Россия презентовала себя через классическое и авангардное искусство (Л. Н. Толстой, К. Малевич и другие), этнокультурное разнообразие и духовность (гимн исполнил хор Сретенского монастыря).

2. Связь истории государства с современными культурными реалиями и актуальная ценностно-идентификационная манифестация. Хотя, культурная память как наиболее ценный символический ресурс культуры активно задействована в церемониях, все же, государственная праздничность не ассоциируется, исключительно, с прошлым. Актуальные культурные реалии, креативные решения призваны демонстрировать модернизированный, а не архаический образ государственности. В отдельных случаях акцентируется внимание на событиях текущего времени. Так, например, в Токио главной героиней стала боксерша Ариса Цубата — спортсменка, которая не смогла отобраться на домашнюю Олимпиаду из-за пандемийных ограничений. Ее образ стал символом пандемийной изоляции, неопределенности, которую пережили тысячи атлетов.

Игры в Барселоне (1992 год) стали для Испании возможностью окончательно закрепить свой новый демократический образ после смерти Франко. Каталония, получившая широкую автономию, выступила локомотивом события, демонстрируя

единство региона и центра. Церемония разворачивалась на олимпийском стадионе, построенном еще к Играм 1936 года, которые были сорваны Гражданской войной. Возвращение на этот стадион символически закрывало историческую травму. Дата была выбрана 25 июля — день апостола Иакова, святого покровителя Испании, что придало событию дополнительную сакральную глубину. Интересно здесь то, что режиссерами выступила театральная труппа «La Fura dels Baus», известная своими эпатажными перформансами (уличный театр). Спектакль «La Fura dels Baus» был одновременно и оперой, и цирком, и карнавалом, и политическим ритуалом. Они называли себя «Цирком дю Солей до Цирка дю Солей» — до них цирковая эстетика не была столь авангардной. Все классические ритуалы (парад, флаг, гимн) были сохранены, но обрамлены новаторской режиссурой. Вместо линейного повествования были выбраны фрагментарные образы, стихия воды, огня, огромные движущиеся конструкции, напоминающие мифических существ (миф о Средиземноморье). Визуальный ряд изобилует образами Средиземноморья: вода, рыбаки, мифические чудовища, ритмы фламенко. «La Fura dels Baus» настаивали на эффекте физического присутствия. Камеры часто показывали крупные планы зрителей, которые не просто сидели, а активно участвовали — скандировали «Ола!», создавая волну из тысяч рук. Для испанцев Барселона стала символом возвращения в Европу, модернизации и преодоления изоляции. Для мира — демонстрацией новой Испании: творческой, раскрепощенной, способной на культурную провокацию. Главным знаком стал огонь: зажжение чаши выполнил паралимпийский стрелок из лука Антонио Ребольо, который зажег факел, пустив стрелу. Этот жест сочетал в себе архаику (лук как древнейшее оружие), технологию (точный расчет) и инклюзивность (паралимпиец в центре внимания).

Рио 2016 года продолжил эту линию, но в иной тональности: церемония строилась вокруг культуры Бразилии, истории народа, природы и красоты фавел. При этом были подняты актуальные темы — сохранение окружающей среды, изменение климата. Продюсер Фернанду Мейреллиш сознательно отказался от высокотехнологичных идей, заявив, что стране стыдно тратить огромные средства в период кризиса. Здесь государственная презентация включала в себя этический дискурс — демонстрацию не только возможностей, но и ответственности, не только богатства, но и скромности.

В отдельных случаях этот модернизированный креативный аспект выражается в переосмыслении традиционной пространственной локации как деконструкции канона. Организация Игр в небольшом норвежском городе Лиллехаммер (1994) подчеркивала скандинавскую модель: децентрализация,

близость к природе, доверие к локальным сообществам. Церемония открытия прошла не на стадионе, а в финишной зоне трамплина. Это нарушало главный канон олимпийской архитектуры: центр события был перенесен в природный ландшафт. Время (февраль, зима, снег) стало полноправным участником действия. Вместо театральнo-праздничных декораций — лес, горы, настоящие лыжи, настоящие звери (олени, лоси, впряженные в упряжки). Миф о единении человека и природы. Участники церемонии (артисты, музыканты, зрители) были на лыжах, они двигались по склонам, создавая живые картины. Ритуалы были максимально адаптированы под ландшафт: факелоносец Стейн Грубен спрыгнул с трамплина с огнем в руках — синтез древнего ритуала (огонь) и национального вида спорта (прыжки с трамплина). Спектакль на трамплине сочетал спортивные соревнования (прыжки), природную среду (горы), ритуал (огонь) и театрализацию (хореографические композиции на лыжах). Прямой эфир фиксировал суровый северный пейзаж, снегопад, дыхание участников — все это усиливало ощущение подлинности. Ключевые знаки — дерево, снег, лыжи, олень, костюмы из натуральных материалов — создавали образ Норвегии как страны, где модернизация не разрушила связь с природой. Для норвежцев это была демонстрация национальной идентичности, где главное — близость к природе и скромность. Для мира — альтернативная модель олимпийской презентации: «мы умеем жить в гармонии с тем, что есть». Лиллехаммер вошел в историю как «самые экологичные Игры», «самые аутентичные».

Церемония открытия Олимпиады в Париже в 2024 году впервые была вынесена за пределы стадиона — на реку Сену. Вся центральная часть Парижа (от моста Аустерлиц до Трокадеро) — была превращена в единое ритуальное пространство. Время проведения (26 июля 2024) выбрано не только метеорологически, но и символически: Париж впервые принимал Игры спустя 100 лет (1924–2024). Сакрализация достигалась не ограждением, а, напротив, открытостью: весь город стал стадионом. Режиссер Томас Жюли (театральный постановщик) создал церемонию как деконструкцию культурного канона. Вместо линейного повествования — 12 фрагментов, каждый из которых посвящен определенной ценности: любовь, свобода, равенство, сестринство. Были обыграны все возможные клише о Франции (канкан, революция, мода, кухня), но они подавались с иронией и часто — через женские, квир- и постколониальные голоса. Каждая сцена отсылала к живописи (история французского искусства), литературе (романтизм, экзистенциализм), кино (Новая волна), музыке (от оперы до техно), но именно в современном прочтении. Появление металлической всадницы (символ Жанны д'Арк) на Сене, секции,

посвященные феминизму, включение разнообразия тел — все это создавало полифоническое послание, которое невозможно свести к одному нарративу. Церемония была спроектирована как медийное событие: дождь, набережные, камеры, следящие за лодками с делегациями, перебивки на заранее снятые ролики (в том числе с участием 3. Зидана, французских комиков и скрытых посланий). Ритуальная преемственность: флаг, огонь, гимн, маршрут факела — все сохранено, но вписано в новую среду. Зажжение чаши огня — воздушный шар (гигантский аэростат) над садом Тюильри — соединило технологию (электричество, безопасность) с архаическим символом парения. Зрители на берегу были частью декорации. Для мира Франция презентовала себя как страна, не боящаяся провокации, где свобода творчества (а порой и откровенный эпатаж) выше протокола. Парижская церемония совместила парад спортсменов (водный парад), театрализованный променад (12 сцен вдоль Сены), перформанс (танцы, акробатика), кинопролог (заранее снятые видео), концерт (Lady Gaga, Ая Накамура, Селин Дион) и политический митинг. Жанровая граница была сознательно размыва, чтобы соответствовать постмодернистскому лозунгу: «нельзя быть серьезным, когда на тебя смотрит мир». Церемония вызвала самый полярный отклик в истории Игр. Для одних она стала символом освобождения и инклюзивности, для других — чрезмерной и эпатажной.

3. Технологические решения как язык величия государства. Олимпийская церемония — это всегда демонстрация технологического уровня страны, ее силы и мощи. Здесь работает механизм техноморфной сакральности: чем сложнее и масштабнее технические решения, тем более «могущественным» предстает государство. Пекин 2008 года поразил световыми и пиротехническими решениями: бюджет фейерверков составил 1,3 млн долларов, а билеты на трибуны достигали 700 долларов. Однако при этом Китай подчеркнул, что его изобретения (порох, бумага) были даны миру, — технологическая мощь оказалась укоренена в истории.

В Пхенчхан 2018 года акцент был сделан на цифровом мире: 120 дверей в будущее, передовые технологии, образы виртуальной реальности. Это была презентация Кореи как страны будущего, где технологии становятся основным мифом. Токио 2020 (проведенные в 2021 году) в условиях пандемии выбрали минимализм, но с глубокой технологической проработкой — проекции, нити, синтез реального и цифрового. Япония показала себя не через мощь, а через изящество высоких технологий, что соответствует ее культурному коду.

4) Семиотическая насыщенность как аффективная рамка события. Особого внимания здесь заслуживает не только визуальный язык (описанный нами в предыдущих позициях), но и музыкальное

оформление церемоний. Оно выполняет функцию своеобразного «звукового герба», формирующего эмоциональную память государства о значимых событиях. Уже упоминаемая нами Бьорк, исполнившая в Афинах «Океанию», соединила авангард с античными образами. Пол Маккартни в Лондоне спел за символический 1 доллар, хотя его гонорар обычно составляет миллион — этот жест подчеркнул «народность» церемонии. А в Рио гимн был представлен в неожиданной акустической аранжировке, подчеркнувшей мультикультурность Бразилии. Оркестры, барабанные шоу, выступления мировых звезд — все это создает полифонию голосов, которая должна доказать, что нация способна говорить на языке, понятном миру. Церемонии перегружены знаками, подтверждая эту семиотическую плотность: от цвета костюмов до выбора конкретного спортсмена для зажжения огня. Каждый элемент работает на создание единого семиотического поля, в котором жесты государства, артистов и зрителей сливаются в одно сообщение.

В целом, Олимпийские церемонии стали уникальным феноменом, в котором государственная праздничность достигает своей максимальной концентрации. Через режиссуру, музыку, выбор героев и технологические решения страна-хозяйка формиру-

ет свой образ, закрепляя в международном сознании культурные коды, исторические нарративы и ценностные акценты. Олимпийские церемонии демонстрируют, как праздник становится инструментом «мягкой силы» — способом культурного влияния, не менее важным, чем политические декларации. В этом смысле государственная праздничность представляет собой особый тип коммуникации, в которой власть, искусство, технологии и массовые эмоции сплавляются в единое действо, адресованное одновременно собственным гражданам и мировому сообществу. В лиминальном пространстве стадиона, который на время церемонии становится символическим центром мира, страна-хозяйка демонстрирует: историческую глубину (через сценическую реконструкцию ключевых исторических событий — национальный миф); культурное многообразие и самобытность (через включение этнических, конфессиональных и локальных компонентов идентичности); технологическую и организационную состоятельность (через масштаб, спецэффекты, слаженность массовых действий); актуальные ценностные ориентиры современного государства. Страна в этом контексте выступает одновременно как традиционная держава с глубокими корнями и как прогрессивное сообщество, открытое будущему.

Список литературы

1. Воскресенский, А. А. Культурно-философские основания формирования гражданской идентичности / А. А. Воскресенский, А. Д. Чистова // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 10. — С. 246–250.
2. Геннеп, А. ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. — Москва : Восточная литература РАН, 1999. — 198 с.
3. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемная система в Австралии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофмана. — Москва : Дело, 2018. — 768 с.
4. Зеленева, И. В. Влияние Олимпийских игр на формирование имиджа России / И. В. Зеленева, М. С. Терехов // Мировая политика. — 2022. — № 4. — С. 98–108.
5. Злотникова, Т. С. Олимпиада как текст массовой культуры / Т. С. Злотникова, В. А. Шапошников // Ярославский педагогический вестник. — 2014. — № 4, Т. 1. — С. 269–274.
6. Зубанова, Л. Б. Мемориальная идентичность: между местом памяти и памятью мест / Л. Б. Зубанова // Челябинский гуманитарий. — 2023. — № 1 (62). — С. 32–38.
7. Кибалко, В. В. Праздник и праздничность: деградация смыслов? / В. В. Кибалко // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. — 2017. — Т. 3, № 4. — С. 54–58.
8. Лаврикова, И. Н. Политический праздник в системе культуры : монография / И. Н. Лаврикова. — 2-е изд., доп. — Тверь, 2013. — 242 с.
9. Мостицкая, Н. Д. Современное социокультурное пространство в координатах праздничности и повседневности / Н. Д. Мостицкая // Аналитика культурологии. — 2016. — № 1 (34). — С. 137–149.
10. Сокоиков, С. С. Проблемы актуализации семиотического потенциала государственных праздников России / С. С. Сокоиков, О. В. Гришанина-Мошкина // Культура и текст. — 2026. — № 1 (64). — С. 246–263.
11. Тернер, В. В. Символ и ритуал / В. В. Тернер. — Москва : Наука, 1983. — 277 с.
12. Чередниченко, Т. Праздничность / Т. Чередниченко // Новый мир. — 2002. — № 11. — С. 155–160.
13. Шаповалов, С. Н. Формирование государственных праздников современной России / С. Н. Шаповалов // Общество: социология, психология, педагогика. — 2013. — № 3. — С. 20–26.

14. Шишкина, А. А. Олимпийские игры и «мягкая сила» ведущих мировых держав / А. А. Шишкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. — 2022. — Т. 9, № 3. — С. 283–294.
15. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде ; пер. с фр. В. П. Большакова. — Москва : Академический Проект, 2010. — 256 с.

Получено 07.08.2026

References

1. Voskresenskii A. A., Chistova A. D. 2025. Cultural and philosophical foundations of the formation of civic identity. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]*. No 10: 246–250. (In Russ.).
2. Gennep A. van. 1999. Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [Rites of passage. A systematic study of rites]. Moscow: Vostochnaya literatura RAN. (In Russ.).
3. Dyurkgeim E. 2018. Elementarnye formy religioznoi zhizni: Totemnaya sistema v Avstralii [Elementary forms of religious life: The totemic system in Australia]. Moscow: Delo. (In Russ.).
4. Zeleneva I. V., Terekhov M. S. 2022. The influence of the Olympic Games on the formation of Russia's image. *Mirovaya politika [World politics]*. No 4: 98–108. (In Russ.).
5. Zlotnikova T. S., Shaposhnikov V. A. 2014. The Olympics as a text of mass culture. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]*. Vol. 1. No 4: 269–274. (In Russ.).
6. Zubanova L. B. 2023. Memorial identity: between a place of memory and a memory of places. *Chelyabinskii gumanitarii [Chelyabinsk humanitarian]*. No 1 (62): 32–38. (In Russ.).
7. Kibalko V. V. 2017. Holiday and festivity: degradation of meanings?. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya [Scientific result. Social and humanitarian studies]*. Vol. 3. No 4: 54–58. (In Russ.).
8. Lavrikova I. N. 2013. Politicheskii prazdnik v sisteme kul'tury: Nauchnaya monografiya [A political holiday in the system of culture: A scientific monograph]. Tver'. (In Russ.).
9. Mostitskaya N. D. 2016. The modern socio-cultural space in the coordinates of festivity and everyday life. *Analitika kul'turologii [Analytics of cultural studies]*. No 1 (34): 137–149. (In Russ.).
10. Sokovikov S. S., Grishanina-Moshkina O. V. 2026. Problems of actualizing the semiotic potential of state holidays in Russia. *Kul'tura i tekst [Culture and text]*. No 1 (64): 246–263. (In Russ.).
11. Turner V. V. 1983. Simvol i ritual [Symbol and ritual]. Moscow: Nauka. (In Russ.).
12. Cherednichenko T. 2002. Festivity. *Novyi mir [New world]*. No 11: 155–160. (In Russ.).
13. Shapovalov S. N. 2013. The formation of state holidays of modern Russia. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]*. No 3: 20–26. (In Russ.).
14. Shishkina A. A. 2022. Olympic Games and the «soft power» of leading world powers. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: State and municipal management]*. Vol. 9. No 3: 283–294. (In Russ.).
15. Eliade M. 2010. Aspekty mifa [Aspects of myth]. Moscow: Akademicheskii proekt. (In Russ.).

Received 07.08.2026